
Кира Хо
Книга 1
Всё будет по-моему
Содержит нецензурную брань
18+

Кира Хо
Всё будет по-моему

https://litres.ru/74906639
SelfPub; 2026

Аннотация

Девушка, сидящая рядом, похожа на полотно. Бледная, испуганная. Каждая мышца на её теле заметно дрожит, и это видно так отчётливо, потому что платье, которое на неё надели – не скрывает вообще ничего. Одно движение и я могу снять его полностью.

Но не делаю этого.

Она молода. Очень. Круглый овал лица, пухлые губы, что потрескались и каждые две секунды сжимаются в тонкую линию. Тёмные волосы уложены в аккуратную причёску, но видно, что ей это несвойственно.

Она красива. Наивна. И непорочна. Таких хочется испортить, потому что знаешь – потом это всё будет принадлежать тебе.

Только вот уже принадлежит.

И у меня лишь два вопроса: как это божье создание вообще попала на аукцион? И что мне с ней делать, чтобы её по чистой случайности не хватил инфаркт?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Бесконечная черная полоса	8
Глава 2. Ты - лот	12
Глава 3. Совершить невозможное	19
Глава 4. Сюрприз Х2	25
Глава 5. Так, как я скажу	38
Глава 6. Пустота	44
Глава 7. Маски	49
Глава 8. Разговор, который хотелось бы отложить	54
Глава 9. Зря	62
Глава 10. Продолжай	69
Глава 11. Новое хобби	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Кира Хо
Всё будет по-моему

Пролог

Первые три дня недосыпа ещё возможно выдержать спокойно, но то, что происходит после – выносит к херам нервную систему.

Каждое слово, сказанное наперекор, кажется мне приглашением к убийству. Каждый взгляд, брошенный недовольно – просьба разбить о голову бутылку.

Так что едва часы переваливают за полдень – Света снова в моём кабинете. Скулит, царапает столешницу своим маникюром и наслаждается. А как только выходит – я падаю в кресло и смотрю на телефон. Он просто лежит на столе. Тёмный экран, беззвучный. Всё как обычно. Но у меня, блять зудит. Где-то глубоко под кожей происходит микровзрыв, который заставляет кровь гулять быстрее, и вся злость просыпается снова.

Я беру в руки смарт. Открываю приложение камер дома и шарю глазами по многочисленным окошкам, но нигде не нахожу Бэмби. На секунду даже ловлю себя на мысли, что она вышла в окно, однако через какое-то время она выходит из слепой зоны коридора… всё в том же костюме. В чёртовом

коротком платье, сраных белых чулках и долбанном белом переднике.

Сжимаю челюсть так плотно, что чувствую, как она хрустит, а затем и пальцы. Кожа на костяшках белеет, связки натягиваются до предела.

Да эта сучка издевается надо мной…

Нажимаю кнопку микрофона, который соединён с “умным домом” и гробовым голосом говорю:

– Римма, ты туго соображаешь? Переоденься или я приеду и заставлю тебя это сделать.

Она сначала подпрыгивает от неожиданности, затем начинает судорожно оглядываться по сторонам и только спустя несколько минут поднимает голову, ища взглядом камеры. Находит одну. Смотрит в неё с прищуром. И поднимая руку, показывает мне средний палец.

Не уверен, но, кажется, даже в хате слышно, как захлопываются мои шторки. И это становится последней каплей на сегодня.

Срываюсь с места так резко, что стул отлетает назад. Выхожу в коридор, сталкиваясь с замом, но будто не замечаю его – вырываюсь в лифт, а с него на подзёмку. Единственное, что долбит на подкорке – наказать.

И, как по мне – она на это согласна.

Дома оказываюсь настолько быстро, что сам был бы в шоке, если бы не адреналиновая ярость, которая разрывает меня на части. Широкими шагами залетаю в гостиную, приго-

тавливаясь искать Бэмби по всей хате, но она вот.

Стоит у столика, чуть наклонившись, протирает пыль. Из-за этого чёртового костюма видна её задница, и организм тут же реагирует. Не столько из-за голого тела, сколько из-за привычки: злость – равно секс.

– Ты решила поиграть со мной? – рычу, подходя ближе.

И как только между нами остаётся не больше нескольких сантиметров – Римма медленно поворачивается. Смотрит на меня своими огромными глазами, в которых плещется страх, но на лице не одной эмоции. Она ожидала, что ей это не сойдёт с рук.

– Всего лишь пользуюсь вашим подарком, – выдыхает ровно, обдавая меня ароматом мяты и яблок.

– Я ведь сказал тебе! – рявкаю громко, и от этого она вздрагивает. – Но ты, видимо, не хочешь по-хорошему…

Обхватываю её лицо так, что большой палец сжимается на одной щеке, а другие – на второй. Вот теперь в её взгляде реальный ужас. Да, наконец-то до неё доходит, что она сотворила. Разглядываю голубые зрачки, будто там есть ответ на то, что с ней сделать.

И во мне играют сотни разных вариантов. Однако вопреки её ожиданиям – я откидываю её лицо от себя, прохожу чуть дальше и сажусь на кресло, глядя на неё прямо.

– Раздевайся, – роняю глухо.

– Ч-что? – поворачивается ко мне передом, буквально сжимается в комок.

– Раздевайся, Бэмби. Ты ведь именно этого добивалась.

И чтобы она понимала, что я не передумаю – наклоняюсь, доставая из нижнего шкафчика низкой тумбы пистолет. Укладываю его на подлокотник кресла, сажусь удобнее и показываю взглядом, чтобы начинала.

– Я жду. У тебя есть три секунды, чтобы начать.

Глава 1. Бесконечная черная полоса

Римма

– Римма, это ты? – раздаётся глухой голос матери, как только за моей спиной закрывается дверь.

– Да, мам! – кричу в пространство, быстро скидывая обувь и практически на ходу, снимаю куртку, бросая её на полу.

Залетаю в комнату с двухъярусной кроватью мальчишек и моментально ныряю в комод, один шкафчик которого выделен под мои вещи. Роюсь внутри в припадке, разбрасывая в стороны вещи, потому что не могу найти рабочий топ, а мне уже по идее надо быть на полпути на работу.

Чёртов секретарь в фирме задержал меня из-за пятна на его кафеле и заставил ногтями соскрёбывать грязь, которая по итогу оказалась трещиной. Наверное, не сними я перчатки – до сих пор бы тёрла его.

– Ты домой? – спустя время, дверь в комнату приоткрывается и на пороге показывается мама.

В домашнем халате, с высоким пучком тёмных волос, в которых уже виднеется проседь, несмотря на то, что ей всего сорок.

Нам всегда говорили, что я, и братья очень на неё похо-

жи. Тоша и Макс этого, конечно, не принимают, но раньше действительно так и было. До того, как маму сбила машину и сломала несколько позвонков. Сейчас на её лице отпечаталась боль и года, которые утекают сквозь пальцы. Пять лет запечатлелись в каждой морщинке, как двадцать, но даже это того стоило.

Сотни часов реабилитации, куча денег и просто невероятно огромная гора потраченного времени, чтобы сейчас она могла хотя бы стоять, опершись о трость, и разговаривать с нами. Она сильная женщина. Ведь я вижу, что даже это ей даётся с трудом, но мама всеми силами скрывает свою боль.

Не знаю, что бы я делала, если бы она не выжила… в двадцать лет остаться одной с двумя подростками-парнями – тот ещё квест, который мне определённо не понравился бы. Уж лучше три работы, чтобы обеспечить всю семью, чем отсутствие матери.

– Нет, мам, – отвечаю, наконец найдя майку, и издаю победный клич. – Переодеваюсь – и в бар.

– Но ты только с фирмы, – причитает грустно.

– Ага, – киваю и не раздумывая скидываю с себя широкую светлую футболку, бросая ткань посреди комнаты братьев, и меняю её на майку с логотипом “Есть толк” – название бара в котором я работаю официанткой и иногда барменом.

– Полы в фирме перемыты, пришла очередь пьяных придурков и чаевых, – хмыкаю, снимая спортивные штаны, отправляя их к футболке, а затем со скрипом залезаю в макси-

мально узкие джинсы.

Даже не успеваю убрать за собой шмотки, но точно знаю, что мальчишки уберут их за мной, потому что они умницы и помогают мне по дому. Им всего по двенадцать, однако оба уже точно знают, что такое – брать на себя ответственность.

– Поберегла бы себя, дочь, – качает головой, и я, даже не глядя в её глаза, знаю, что там плещется печаль.

– Обязательно, мам, – улыбаюсь предельно широко и резко ныряю в щель между матерью и косяком. – Максу надо брекеты, у Антона с сентября начнутся тренировки, а он вырос со всех своих вещей. Так что надо покупать новые, – бросаю на ходу по пути в ванную.

На ультраскоростях бегу к зеркалу и также в темпе расчёсываюсь, собирая свои тёмные волосы в высокий хвост. Да, возможно, когда-то я и была похожа на мать, но сейчас я больше похожа на заезженную лошадь. Именно поэтому спасаюсь макияжем.

Несколько мазков тушью, немного пудры и консилера под глаза и вуаля – я конфетка. Пожёванная, правда, но да ладно.

– Мам, когда они вернутся, не забудь напомнить им про домашку на завтра, – тараторю быстро, скидывая в сумку телефон, запасную резинку и документы, которые точно пригодятся, когда возвращаешься домой поздно ночью. – Я приду и всё у них проверю.

– Да я и сама могу, – цокает в ответ, подходя ближе, когда я уже толкаю ноги в кроссовки.

– Ты отдыхай побольше, ясно? – хмурясь, смотрю на свою родную женщину. – Остальное я сделаю, – добавляю, хватая джинсовку с вешалки.

Делаю короткий шаг, чтобы чмокнуть мать, а после, подобно тайфуну, вылетаю на улицу, не дожидаясь лифта.

Погода сегодня прямо под настроение – августовский дождь, слякоть, уныние. Но я уже давно перестала поддаваться на провокации. У меня нет времени хандрить, скучать, плакать о том, как всё тяжело. Я сплю по два часа в сутки, работая уборщицей, в баре и вдобавок в кофейне. А с сентября начнётся ещё и учёба, которую мне, похоже, придётся бросить, но об этом я всё никак не могу рассказать маме. Мне кажется, она очень сильно расстроится и опять будет твердить шарманку, что это она во всём виновата и что из-за неё моё будущее кануло в Лету. Только вот это же не так.

Во всём виноват мажористый придурок, который решил, что пить за рулём можно и нужно, а после ДТП не понёс никакого наказания. Я даже пару раз хотела пойти поставить ему свечку за упокой, но мама меня останавливала со словами: “не бери грех на душу, ему всё вернётся бумерангом”.

Я слежу. Пока не вернулось.

Пока что бумеранг считает, что в лицо надо бить меня.

Однако я очень надеюсь, что рано или поздно это изменится. Я не считаю себя святой и думаю, что каждый на моём месте поступил бы так же. Просто… я устала.

Не может ведь вечно быть чёрная полоса?

Глава 2. Ты - лот

Римма

Пьяные тела, грязные разговоры и запах перегара – убойная смесь, когда и без того нет ни сил, ни желания находиться в социуме. Каждый второй норовит залезть в майку, а каждый пятый – заталкивает в неё чаевые. А ты должна молчать и улыбаться. Я должна, потому что иначе меня уволят. И единственный плюс во всём этом – чаевые не мелочью.

– Эй, соска, налей ещё, – в пятый раз за сегодня окликает меня один и тот же чел, толкая пустой стакан в мою сторону.

Натягиваю улыбку и подхожу, чтобы заменить порцию, но ровно в тот же момент, как я обхватываю бокал пальцами – моё запястье сжимаю другие тиски.

– Поехали со мной? – всё тот же тип смотрит на меня поплывшим взглядом. – Сколько ты стоишь? Косарь? Два?

– Вы меня перепутали с тем, кто стоит за углом, – отвечаю снисходительно и пытаюсь вырвать свою руку.

– Да брось. Продаётся любая, дело лишь в цене, – парирует таким тоном, словно сидит не баре, где самый дешёвый виски из всех возможных, да ещё и водой разбавленный, а в каком-то дико дорогом клубе.

– Возможно, любая, – не спорю, продолжая улыбаться, – но не я.

Не знаю, что именно заставляет его разжать руку, но буквально через секунду моя конечность снова принадлежит мне.

– Сколько на этот раз? – спрашивает Соня – второй бармен – как только я отхожу от этого донжуана.

– Две тысячи, – хмыкаю.

– Зажопился, – смеётся девушка. – Алине предлагал пять.

– Может, просто я не тяну, – жму плечами, подхватывая смех.

Думала ли я когда-нибудь спать за деньги? Наверное, в моей ситуации, об этом задумывалась бы каждая. Я не исключение. Просто… Как представлю, что это будет кто-то вроде этого типа – передёргивает от отвращения. Да и в целом… возможно, я наивная дурочка, но считаю, что заработать можно иначе, а тело должно принадлежать лишь тому, кому доверяешь.

Оставшиеся часы мне даются сегодня, как никогда сложно. Я то и дело мечтаю оказаться дома, проверить чёртову математику двенадцатилеток и поспать. Хотя бы несколько часов.

Так что, когда бар идёт к закрытию, а мы всем коллективом делим чаевые на всех, внутри трепещет предвкушение. Кажется, ничего не способно сломать моё настроение, однако проливному дождю это всё же удаётся, а, учитывая, что "чай" я тратить не намерена, приходится собраться с силами и идти.

Капли так шумно колотят по крыше, что я не слышу даже собственные шаги, но есть в такой погоде что-то особенное… в такой дождь, как никогда ждёшь солнце.

Буквально через три дома я становлюсь насквозь мокрая, а из-за воды, стекающей по лицу и ночной темени – вижу всё хуже. Настроение портится в секунду, но сжав зубы – не останавливаюсь.

Злюсь ли я на свою жизнь? Да. Определённо. Но менять в ней ничего бы не стала. Если бы, конечно, не было выбора вылечить маму.

И только я погружаюсь в мечты, где мне не приходится так много работать, как на моё лицо укладывается рука, что зажимает какую-то до жути вонючую тряпку. По инерции задерживаю дыхание и начинаю барахтаться, как пойманный зверёк, но тот, кто удерживает меня, явно больше и сильнее. У меня не получается даже развернуться, а от энергичных попыток увернуться, запас кислорода в лёгких быстро кончается и мозг даёт сигнал “вдохнуть”.

Хватаю носом воздух, но вместо чистого влажного кислорода внутрь проникает едкая дрянь, обжигая гортань. Из-за неё ещё больше хочется дышать, и организм срабатывает быстрее, чем я успеваю себя остановить.

Ещё пара вздохов и мир погружается в темноту.

***

Прихожу в себя оттого, что слышу незнакомый голос. Очень недовольный голос.

– Приведите вы девчонку в чувство! Спит почти двадцать часов. Походу Тень перестарался.

С трудом разлепляю глаза, ещё несколько минут фокусируя взгляд на тёмном потолке. Абсолютно неизвестном мне. Дышать всё ещё сложно, а лёгкие будто покалывает сотней маленьких иголок.

В голову вселяется паника. Особенно, когда я понимаю, что не могу развести руки.

Опускаю поплывший взгляд и смотрю на свои запястья. Они связаны какими-то ремнями, не дающими мне пошевелиться.

Открываю рот, чтобы крикнуть, но из меня рвётся лишь хрип.

– О, вовремя, – буквально за секунду появляется какой-то мужчина и протягивает мне стакан с водой. – Давай, приходи в себя, нужно тебе всё объяснить.

– Где я? – давлю хрипло, чувствуя при этом боль во всём теле.

– Ну ты и устроила, конечно, – хмыкает. – Моему человеку тебя даже связать пришлось, потому что ты барахталась и дралась.

– Где я? – повторяю снова, не обращая внимания на его слова.

– На аукционе, деточка, – весело выдаёт мужчина, толкая стакан мне в лицо.

Сквозь ломоту во всём теле приподнимаюсь, чтобы сесть

ровно, и забираю у него стакан. Пересохшими губами припадаю к краю и делаю большой глоток, тут же жалея об этом. Вода, которая должна быть безвкусной – горчит.

– Что это? – кривлюсь.

– Как что? Вода! – мужчина садится напротив, без особого интереса глядя на меня. – Так слушай. Ты выходишь четвёртая, за тобой ещё несколько девочек, так что давай без сцен. Твой покупатель заберёт тебя либо сразу после выставления цены, либо после аукциона. Ждать будешь здесь...

– Подождите, – вставляю резко, перебивая его.

Мысли в голове начинают раскручиваться как шарниры и делают это с противным скрипом. И единственное, на какое объяснение я натыкаюсь: меня с кем-то перепутали.

– Это какая-то ошибка, – трясу головой. – Мне нужно домой!

– Я же попросил без сцен, девочка, – хмурится мужчина. – Нет никакой ошибки. Это аукцион. Покупатель платит сумму. Вы получаете её часть – пятьдесят процентов, минус наш сбор. Вторая половина – клубу. Срок контракта – на усмотрение покупателя. Условия проживания, питания, перемещения – на усмотрение покупателя. Сексуальные отношения – по обоюдному…

– Да подождите вы! – истерично гаркаю, сама не узнавая свой голос. – Какие отношения? Какой контракт? Меня похитили!

– Тебя пожелали, – вскинув бровь, поправляет он.

Я даже не нахожу что сказать – меня накрывает паника. Контракт? Сексуальные отношения? Куда я, чёрт возьми, попала?!

Слёзы моментально выступают на глазах, и я, не разбирая, что где стоит, вскакиваю на ноги. Бегу к двери, наплевав на связанные руки, дёргаю за ручку, но с ужасом понимаю, что я взаперти.

– Ты не выйдешь отсюда одна, – грозным тоном вещает мужчина, подходя ко мне со спины. – Первый раз – в сопровождении охраны, на сцену. Второй – к покупателю.

– Ни за что! – шиплю, разворачиваясь к нему, но в ту же секунду щеку обжигает хлёсткая пощёчина.

Боль моментально обхватывает тот же участок, а перед глазами всего на мгновение появляются мушки.

– Заткнись, девочка, – давит тоном. – Ты всё равно сделаешь то, что тебе сказали, даже если для этого придётся тебя туда вынести, как чёртову Белоснежку в гробу. И будь уверена, я сделаю это, потому что твоя жизнь для меня ничего не стоит. Ты либо выйдешь туда сама и будешь надеяться, чтобы тот, кто тебя пожелал, купил тебя. Либо я вынесу тебя туда и продам в такое место, откуда не выходят ни через три месяца, ни через три года, но тогда от тебя останется лишь воспоминание и вхлам раздолбанная щель. Ясно?

От каждого его слова по моей спине бежит ледяной озноб, а мышцы сжимаются в спазме. Я даже не понимаю, как и в какой момент стекаю по стенке, усаживаясь на пол. Просто

плачу от непонимания и страха. Обжигающего страха, что растекается по венам и не даёт спокойно дышать.

Я захлёбываюсь собственными слезами, вдруг осознавая, что по-настоящему чёрная полоса только начинается…

Глава 3. Совершить невозможное

Адиль

Наручные часы показывают начало одиннадцатого, когда я сажусь в машину, где меня уже ждёт Сева – мой водитель. После такого дня, как сегодняшний у меня нет ни малейшего желания самому вести тачку. В идеале бы лечь и перестать двигаться хотя бы часов на десять, но мне такое только снится.

– Куда, Адиль Тимурович? – мужчина чуть старше меня, бросает короткий взгляд в зеркало заднего вида.

– К Рустаму, – роняю коротко, но ему достаточно, он всё понимает и так.

Пожалуй, это второй и последний человек, кому бы я доверил свою жизнь. Хотя сильнее, чем брату, я не доверяю никому.

Фонари в окне мелькают так быстро, что меня периодами вырубает, но я быстро возвращаю себя в строй. Всё-таки пиздец, как тяжело быть совой в шкуре жаворонка. И даже несмотря на то, что от моей квартиры до хаты Руса не так далеко, я всё же умудряюсь написать пару рабочих сообщений.

Сегодня важный день. Ну, точнее, для кого-то он обычный, но именно в этот вечер я решил порадовать младшего братишку и приготовил ему встряску. Уверен, он оценит

подгон. Мне остаётся только растолкать этого тюленя, который обычно только просыпается к полуночи.

Автоматические двери многоэтажки открываются, как только я подхожу на метр. Внутри – как обычно, просторно и светло вне зависимости от времени суток, а за стойкой стоит консьерж. Ну, точнее, там стоит высокая фигуристая блондинка, которая здесь оказалась явно не просто так: в её глазах буквально высвечивается калькулятор каждый раз, как в эту дверь кто-то входит.

Однако меня она знает. Достаточно… тесно.

Не, ну а чё? У меня был тяжёлый день, я выходил злой от брата, а тут она. Почему бы и, да? Тем более это отличный вариант, если учитывать, что я ни с кем не сплю больше одного раза.

– Адиль… Тимурович! – восклицает дева, как только видит меня. – Доброй ночи!

– Доброй, – киваю, даже не пытаясь вспомнить её имя. В моей башке столько информации, что имена иной раз приходится записывать в заметках смарта.

Лифт в пентхаус везёт непомерно долго. Либо для меня время тянется, как резина, потому что я понимаю, что мы и так опаздываем, а если к этому добавить гробовой сон братца… так и вовсе можем пропустить мой сюрприз.

И стоит мне оказаться на пороге тёмной квартиры, как меня погружает в какой-то транс. Система компов гудит так, что под неё разве что только труп уснуть может. И Рустам.

Никогда не понимал, как он может столько времени проводить за компами, но, пожалуй, нам обоим это сработало на руку. Ведь именно благодаря этому наш бизнес ведётся с двух сторон: его та, что скрыта от глаз, а моя та, что представляет собой лицо нашего тандема.

Размашистым шагом иду по широкому холлу, даже не пытаясь разуться, потому что боюсь наступить в какое-нибудь дерьмо из разряда того, что Рустам не выкинул несколько дней назад. И только собираюсь свернуть к лестнице, как вижу движение с дивана в гостиной.

Заебись. Братец опять отключился, не дойдя до точки назначения.

Подхожу ближе, смотрю на рожу, что расплылась в блаженном сне и едва не пускает слюну по кожаной обивке под собой. Даже будить жалко… было бы мне, если бы не сюрприз.

– Рус, подъём, – толкаю его в плечо.

– М-м-м, – мычит невнятно.

Понятно, простой способ пробуждения бесполезен.

Разворачиваюсь на пятках, иду в кухню. Не люблю я, конечно, так делать, но… да кому я вру. Обожаю.

Набираю в стакан воды, залезаю в морозилку, доставая пару кусочков льда, и отправляю туда же. Жду несколько секунд, прежде чем вода примет температуру достаточную, чтобы привести в себя даже такой мешок с недосыпом, как мой брат, и только после этого иду обратно.

Близко не подхожу. Тупо вытягиваю руку в шаге от дивана и переворачиваю стакан, с упоением, наблюдая, как она течёт вниз.

Рус вскакивает всего через секунду после мокрого поцелуя с ледяной струёй.

– Ты чокнулся?! – тут же выдаёт, прекрасно осознавая, кто именно его, мог разбудить таким способом.

Да и в принципе тут долго гадать не надо, ведь я единственный, кто может попасть в эту обитель мрачности, не испытав при этом пару тройку инсультов. В лучшем случае.

– Поднимайся, у нас дела, – роняю спокойно, поправляя манжеты рубашки. – И оденься по-человечески, а не так, будто тебя только с урока физкультуры отпустили.

– Что за важные дела могут быть в это время суток? – недовольно трясёт головой Рус, как собака после купания в озере.

– Ты ведь знаешь, что я тебя могу дёрнуть лишь в одно место, – ухмыляюсь, обнажая зубы. – Давай, шевели булками.

– Слушай, – тянет с мрачной усмешкой. – Я сегодня уже выходил из дома. За энергетиком. Даже поздоровался с консьержкой, которая какого-то хера спрашивала, как у тебя дела. Я выполнил норму пребывания в социуме на этой неделе.

– Рустам, – уже более устало добавляю. – Последнее, чего я сейчас хочу – включать логику и приводить доводы, почему тебе надо поехать. Просто. Встань. И оденься. Мы и без того опаздываем. Обещаю, ты не пожалеешь.

Кажется, Рус понимает, что спорить со мной в таком состоянии бесполезно, и трёт лицо двумя руками так яро, словно пытается слепить из него адекватное человеческое выражение.

– Время сгонять в душ есть? – бормочет братец, зевая в кулак. – Или фейсконтроль пропустит и такое дерьмо?

– Те пингвины пропустят кого угодно, если им накинуть на лапу, – тяну довольно. – Но я бы на твоём месте в душ всё же сходил, – добавляю загадочно, но продолжаю удерживать интригу.

На самом деле, чувствую себя как пятиклашка, ожидающий Деда Мороза из-за угла в коридоре. Мне просто пиздец, как необходимо увидеть реакцию брата на мой подарок.

– Кад и Дым тоже будут? – уточняет Рус.

– Эти двое такое не пропускают, – киваю и, наконец, обхожу диван, почуяв, что опасность миновала, падаю в кресло.

Снова смотрю на наручные часы, прикидывая, насколько мы опоздаем, и тут же протяжно выдыхаю.

– Давай, шевелись, поговорим в машине.

Рус закатывает глаза, но послушно шлёпает в ванную комнату. И снова минута тянется за минутой бесконечно долго. Либо всё же дело в том, что я слишком сильно жду момента икс.

Кстати, надо отдать должное – всего через четверть часа Рустам появляется передо мной в костюме и даже выглядит плюс-минус как нормальный человек.

– Поехали? – спрашиваю, поднимаясь и убирая телефон, с которого писал очередное сообщение, в карман.

– Мне кажется, я всё равно похож на зомби, – усмехается братец. – Зомби в элегантном костюме.

– Тебе не кажется, – похлопываю его по плечу, толкая к выходу. – Но теперь тебе хотя бы могут дать не из жалости.

– Я тебе уже говорил, что ты козёл? – говорит Рус, но при этом уже бодрее улыбается.

– Каждый день, вместо "доброго утра", – повторяю его тон.

В тачку мне тоже приходится его почти заталкивать. Кажется, на моменте, когда я был готов ускорить лифт собственными руками, Рустам начал что-то подозревать, но плевать. Главное – быстрее добраться до клуба.

– Доброй ночи, Рустам Тимурович, – Сева смотрит на брата также в зеркало заднего вида.

– Она была бы доброй, если бы меня не вытащили из квартиры, – вредничает Рус. – Так что просто привет, Сева.

Моя правая рука на это лишь улыбается. Да, ему тоже известно, что ждёт Рустама, но он предусмотрительно молчит. Молодец.

Я жду, что в течение всего пути за город Рус будет спрашивать хоть что-то, но, по-моему, он всю дорогу досыпает с открытыми глазами. Так что у меня есть ещё немного времени, чтобы закончить свои дела.

Глава 4. Сюрприз X2

Адиль

Естественно, мы заходим в клуб без нескольких минут перед одиннадцатью. Быть может, если бы нашу фамилию не знали так хорошо, то нас бы даже и не пропустили.

На входе я показываю сразу оба пригласительных на себя и брата, а взамен нам дают таблички с номерами и маски. Маски – чтобы скрыть личности для аукциона, который проводится раз в некоторое время.

Рустам не частый посетитель таких мероприятий. Вообще, Рустам не частый посетитель любых мероприятий, но мне приходилось на них бывать, в основном с партнёрами.

Так что, когда я толкаю ему в руки тёмно-синюю маску, он смотрит на меня, как на долбаеба.

– Наденешь, когда будет надо.

– Ты привёл меня на детский утренник? – скептически крутит Рус маску в руках.

– Не припомню, чтобы в нашем детстве были такие утренники, – ржу и давлю косяка на маску черепа в его руках. – Или я чего-то не знаю?

– Я смотрю много фильмов и сериалов, – усмехается братец. – Особенно сильно люблю хорроры.

– Да-да, я в курсе, – хмыкаю, а затем наклоняясь к нему

уже тише добавляю: – А мог бы с бабами вживую знакомиться, а не дрочить на них в телек.

– Прямо в этой маске? – ржёт Рус. – Это точно сюжет из ужастика про одержимого сталкера.

– Завтра расскажешь, – усмехаюсь, и мы почти синхронно двигаемся к нашему столику.

Точнее, по нему понятно, что он наш, потому что над ним светится рыжая башка Аркаши – он же Кад.

На самом деле у меня нет настроения шутить и развлекаться, потому что в последнее время всё катится в бездну, но порадовать брата – дело святое. Я как только узнал, что его школьную любовь готовы продавать как собаку в переулке – не мог не воспользоваться моментом и не затащить сюда. Всего-то пришлось дать организатору немного денег и определить ей место в лотах.

Ах да. Мы на аукционе. А продаются здесь женщины. Кто-то покупает ради забавы, кто-то чтобы потешить своё пошатнувшееся самолюбие, а кто-то я – "купил" одну заранее, чтобы вдохнуть в брата каплю энергии.

– Сорри за опоздание, – ровным, почти злобным голосом говорю парням, укладывая маску на стол, как только мы подходим ближе. – Думал, придётся труповозку вызывать.

– Я вышел из дома. Это уже ебать, какой подвиг, – трёт переносицу Рус. – Кто вообще придумал эти "мужские посиделки" в 11 вечера? Нормальные люди в это время дома сидят и сериальчики смотрят.

– Люди, Руся. Ты бы о таком знал, если бы перестал ночами надрачивать в экран компа, – усмехаюсь коротко.

– От моей, как ты выразился, дрочки, хотя бы бабки капают на криптокошелёк, – тем же тоном отвечает Рус.

На самом деле мне стоило многого, чтобы добиться от него хотя бы такого. Уж слишком многое ему пришлось пережить.

Замечаю, как Дамир, или как мы его называем – Дым, давит широкую лыбу и смотрит на Када.

– Переведёшь или наличкой отдашь? – говорит самодовольно, и я сразу понимаю, что эти двое поспорили на нас.

– Я тебе должен буду. Завтра переведу, – вздыхает устало Кад, смотря на Дыма.

– Что сегодня в нашей "увлекательной" программе? – расслабленно откидывается Рустам в кресле рядом с Кадом.

– Всё, что не в пикселях, – ядовито подкалываю.

– Говорят, изыски выставлять начнут, мол, такого ещё не видали! – цокает Кад.

– Ебать гурманы собрались, – фыркаю, откровенно угорая над ними. – Лично мы тут только потому, что у меня есть сюрприз.

– А вы вообще что-нибудь слышали про доставку, нет? – скептично ухмыляется Рус, игнорируя мои слова.

– Предпочитаю время проводить в обществе, а не с простынкой мусолить писюн, – хмыкает Кад.

– Это камень в сторону Руса? – смеётся весело Дамир.

– Естественно, – подхватываю смех. – Только у него на дом и еда и бабы.

– И это охуеть как удобно! Всем советую, – братец берёт бокал с виски и поднимает его, словно произнёс шикарный тост.

И на удивление мы все его поддерживаем. Но скорее потому что всем просто необходимо выпить. Мне бы ещё и поспать или я начну убивать.

Практически в ту же секунду тушится свет, зажигаются софиты на сцене и всё в зале, включая нас, синхронно берут маски, цепляя их на себя. Секунда-другая, на сцену выходит ведущий. Он чем-то похож на пингвина, но во фраке и в белой маске бурундука.

– Вечер добрый, дорогие гости. В этом зале сегодня всё не случайно: взгляды, улыбки, шёпоты… и, конечно, лоты, которые ждут своих хозяев, – начинает свою стандартную шарманку, в такт которой мне хочется кивать. – Каждый предмет здесь – не просто вещь. Это ключ к чему-то большему: к тайне, к мечте, к новому началу. Торги – это танец. Вы ведёте, я веду, а победа достаётся тому, кто чувствует ритм лучше всех. Три удара молотка – и судьба лота решена. Но помните: иногда самое ценное – не то, что можно купить, а то, что заставляет сердце биться чаще.

Вслед за его словами раздаются тихие аплодисменты. Но они больше похожи на одолжение. Хотя вместе с этой репликой в зал проходит ещё больше воодушевления, словно все

находящиеся здесь впервые в жизни увидят женщину.

Я хладнокровен. Мне плевать. Никогда не рассматривал женщин, как объект вожделения. Место, куда можно спустить? Да. Но не более.

– А теперь, дамы и господа, внимание – лот номер один! Предмет, который выходит на сцену сегодня, не вписывается в привычные категории. Перед вами – не просто лот, а живая загадка, воплощение редкой красоты и тайны. Красные волосы – как сказочный алый цветок, взгляд – как вызов, аура – неповторимая. Это не вещь, это явление. Кто готов стать обладателем чего-то по-настоящему исключительного?

На этих словах я полностью отключаюсь, потому что неинтересно. Третий лот – наша, а всё, что до и после – похер. Только успеваю заметить, как Аркаша и Дамир напрягаются, будто перед броском.

Даже не слушаю, что происходит дальше, только вижу, как Дым часто поднимает табличку и боковым зрением наблюдаю за Рустамом, который пытается найти другую вселенную в бокале с вискарём. Однако для меня становится неожиданностью, когда ставку Дамира перебивает Кад. Я прям вижу, какой махач сейчас начнётся.

– Спорим, не подерётесь? – вставляю чисто ради прикола и опять отключаюсь в свои мысли.

Будет печально, если Рустаму не зайдёт подарок, хотя я помню, как он по ней убивался. Ну, он-то точно скажет, что такого не было, но моя память насчёт этого придурка рабо-

тает отлично.

Проходит какое-то время, прежде чем Дамир встаёт и уходит, практически пританцовывая за своим призом.

О, так он всё же выиграл. Но я не удивлён: хватка у него дай бог каждому.

– О, смотрите, кто к нам пожаловал! – опять начинает пингвин со сцены. – Лот номер два и это не ваза, не картина, не бриллиант… а настоящая сенсация вечера! Девушка с синими волосами – как вспышка в монотонной жизни, как глоток ледяного шампанского в жаркий вечер. Редкий экземпляр, коллекционный вариант, единственный в своём роде! Кто скажет: “Она моя!”?

– Он бы так не просил, а то наш лучик сейчас на зов полетит, – усмехаюсь, глядя, как глаза Када загораются.

– Да ему хоть ёлку поставь, он с ней попытается пофлиртовать, – ржёт Рус, поддерживая меня.

– Суки, – шипит тихо с улыбкой Аркаша.

– Итак, лот номер два, господа. Начальная ставка семьдесят тысяч, – говорит ведущий, и вместе с его словами открывается штора, открывая всем синеволосую мадам. Необычно. И странно.

Кад тут же поднимает табличку и показывает три пальца рядом с ней.

– Так мало? – цепляет его пингвино-бурундук.

Кад вздыхает и показывает пять пальцев.

– Может, ещё? – не унимается.

– Он щас ещё разуется и на ногах показывать начнёт, – ржу, наклоняясь к брату.

– Только бы член не выкатил. – не сдерживает громкий смешок Рус.

– Я вас слышу, олухи! – шипит Кад и улыбается ядовито с прищуром на нас. А потом показывает десять пальцев, опустив табличку.

Я же решаю, что ему слишком весело чисто ради прикола поднимаю табличку, показывая, что удваиваю сумму. В первую очередь делаю это, точно зная, что Аркаша её перехватит. И Кад театрально хватается за сердце, глядя с открытым ртом на меня:

– Ополоумел? Как сердечко-то не сжалось?!

– Я, по-твоему, не способен потратить столько денег впустую? – хмыкаю раздражённо.

– Блять, как же ты меня достал! – вздыхает помощник солнца. – Давай сыграем забавную игру? Раз хочешь продемонстрировать свою великую финансовую значимость, мой дорогой друг!

– Если мне для этого не придётся ехать дальше этого клуба, то окей, – ухмыляюсь с интересом слушая, что он предложит дальше.

– Адь, – наклоняется Рус ко мне. – У тебя поменялись

вкусы на девушек? Или ты решил поиздеваться над нашим другом?

– Я не привык отдавать столько только ради необычной бабы. Конечно, мне захотелось его вздрочнуть, – со смешком отвечаю.

– Отлично! – хлопает счастливо в ладоши Кад, – этот лот мой, а твой следующий и ставка в двадцать раз больше моей! Вот орну если мамонт выйдет, – смеётся злорадно.

– Идёт. Только не следующая, – отвечаю с хитрым прищуром. – Следующей будет мой сюрприз.

Мы киваем друг другу в знак подкрепления, а потом Аркаша почти проебывает свой приз, но успевает его поймать в последний момент. Бля, его лицо просто надо видеть в этот момент…

Однако меня всё же это беспокоит меньше всего. Важнее, то, что занавес опять открывается и на сцене, наконец, появляется мой подарок брату.

– Господа! Переходим к лоту номер три, – начинает вещать ведущий. – Блондинка с васильковыми глазами. Она уже достаточно взрослая, чтобы разбивать сердца, и ещё достаточно молодая, чтобы ей это прощали. Сразу предупреждаю, этот лот не для экономных и не для торопливых. Красота такого уровня требует времени, внимания и хотя бы каплю смелости. Итак, встречайте! Ваша новая… скажем так, возможно, новая глава. Которая пока и сама не знает, в какой именно книге окажется. Начальная ставка – пятьдесят

тысяч.

– Скучноватая какая-то, – фыркает Кад, смотря на меня, – сюрпризом даже не фонит, – цокает он уже тише.

Рус скучающе переводит взгляд на сцену и замирает, сжимая подлокотники кресла. А потом резко поворачивается ко мне. Я же сижу, откинувшись в кресле, смотрю на сцену, и на моём лице довольное, наглое и сияющее выражение человека, который только что поджёг чужую машину и смотрит на огонь. Чисто по приколу, как мы и делали, будучи подростками.

– Адиль, – шипит Рус. – Что. Это. Такое?!

– Сюрприз. Я же обещал тебе, что ты не пожалеешь, если поедешь сегодня со мной, – тяну самодовольно. – Почувствуй себя живым, братец. Сегодня желания исполняются.

– Прошло семь лет, – шепчет Рус мне в ухо. – Нихеровая у тебя память на мои подростковые травмы.

– А что шушукаемся-то? Я тут зачем сижу? – театрально фыркает Кад на нас.

И вот что я понимаю: пока мы пиздим, мой подарок выкупает кто-то другой. Поднимаю табличку, перебивая ставку, тупо чтобы дать братцу время сообразить, что происходит и, наконец, ожить.

– На сцене его несбыточная мечта, – хмыкаю, опуская табличку, и поясняю для Када. – А он таблом щёлкает.

– Я не щёлкаю, – бубнит Рус. – Я в ахуе.

Рус поднимает табличку и сильно увеличивает ставку,

чтобы сразу выкупить свою блондиночку. И при это он так загорается… бля, давно я его таким не видел, и именно этого я ждал от этого вечера. Хотел увидеть в глазах брата огонь, которого давно не было, и если бы для этого мне пришлось выкупить полгорода, то так тому и быть.

– Чума! – округляет глаза Кад и косится на Руса шокировано, – смотри-ка, ожил чумной! – хмыкает.

– Думал, не доживу до этого момента, – притворно вздыхаю, глядя на брата, как мать на ребёнка.

– Ну прям услада для глаз! – улыбается Аркаша. – Твоя следующая, – добавляет ехидно мне на ухо.

– Охуеть сюрпризы у тебя, Адь, – криво усмехается Рустам. – С меня должок.

– Отдашь, если возьмёшь от этого сюрприза по полной, – отмахиваюсь, потому что мне реального большего и не надо.

– Полтора миллиона раз, – голосит ведущий, указывая на братца. – Полтора миллиона два. Полтора миллиона три. Лот уходит номеру двадцать два.

Проходит какое-то время, прежде чем блондинка Рустама скрывается на сцене, и я практически вижу, как его подбрасывает от ожидания, однако он продолжает сидеть.

– Лот номер четыре. Начальная ставка пятьдесят тысяч, – снова подаёт голос пингвин, стуча молотком и глядя на открывающийся занавес.

И ещё до того, как она поднимается полностью, я поднимаю табличку со своим номером и вторую с цифрой два-

дцать, а параллельно другой рукой показываю два пальца.

– Сук! А ведь не мамонт, – усмехается Аркаша, косясь на меня, когда мы видим на сцене миниатюрную, совсем испуганную девицу. Заебись. Как она ещё стоит вообще? Трясётся, как осиновый лист, голубые глаза огромные и испуганные. Сразу видно, что девица тут оказалась не по собственной воле. Хотя должен признать это розовое платье, что струится по её ровным ногам – топ.

– Сорок миллионов раз. Сорок миллионов два. Сорок миллионов три. Лот уходит номеру шестьдесят шесть, – тут же быстро тараторит ведущий, видимо, боясь, что я передумаю.

– Ты ебанулся, Адь? – Рус резко поворачивается ко мне и хватает меня за рукав. – Я, конечно, как твой "личный бухгалтер" в курсе, что у тебя на кошельке дохера финансов, но отдавать такую сумму за какую-то девчонку – даже не смешно! Нафига она тебе?

– Ну зато теперь ни у кого не останется сомнений, – кошусь на Када с улыбкой. – Да, золотой наш?

– Да ты ж мой хороший, – вздыхает блаженно, – мне аж на душе так небесно стало, аж порхнуть захотелось! Счастье то какое! Сомнений нет! Ты у нас богаче, краше и, конечно, ярче! Молодец, Адиль! Хочешь, горло тебе пожму?

– Кад, ты же его чисто на "слабо" взял и продолжаешь пиздеть, – закатывает Рус глаза. – "Слабо" тебе, Аркадий, промолчать иногда?

– А он просто ещё не понял, что эта дева поедет к нему, – усмехаюсь, качая головой. – Распетушился.

Кад резко сметает с лица улыбку и шокировано смотрит сначала на Рустама, а там уж и на меня переключается:

– Ну сейчас, ага! Чего чушь мне тут раскидываешь?

– А что такого? Не найдёшь применение двум девам? Или ты настолько привык сам себя любить, что и на одну может не хватить? – по-доброму ржу над ним.

– Слушайте, а можно я просто посмотрю? – Рус откидывается в кресле и подхватывает мой смех. – Это лучше любого сериала. Два дурака и сорок миллионов за девушку, которую никто из вас не хочет.

– Всегда хватало! – цокает Аркаша и нервно дёргает уголком губ. – Но мне одну было сегодня надо! Харизма не позволит мышонка приютить, – довольно улыбается, подмигивая Русу.

– Ну это всё здорово, конечно, – хмыкаю, переводя взгляд на брата. – Может, вам третью надо?

– Не, – криво улыбаясь, качает головой Рус. – Я однолюб, точнее, одноёб.

– Дурака не валяй, – вздыхает Кад, – бабок отгрохал столько, так поимей хоть чуток. Чего с тебя будет?

– Не привык платить женщинам за секс. Они бесплатно неплохо справляются, – фыркаю.

– Ощущения другие при таких-то обстоятельствах, сладкий ты мой! Смекаешь? – подмигивает. – Ты за неё бабло, а

она тебе ночь эмоций не поддельных и драйва целую тележку, да вагон!

– О да, я прям вижу, как имею свой банковский счёт и улыбаюсь, – кривлюсь, недовольно, только сейчас осознавая, что купил бабу, которая мне, по сути, нахер не упёрлась, но теперь она будет со мной три месяца. Отлично.

– Ладно, разберусь. Наверное, – говорю, вставая и поправляя пиджак. – Зато можно будет клининг не вызывать.

– Купи ей хотя бы униформу горничной в секс-шопе, – смеётся Рус, издеваясь. – Так, хоть досуг свой разнообразишь. И может, потянет пару раз её нагнуть.

– Я отключу у тебя порноканалы, – качаю головой. – Ты едешь?

– Конечно! – Рус встаёт вслед за мной. – Мне не терпится поскорее “вспомнить” школьные годы с синеглазкой.

А мне с этого только поржать хочется. Потому что… не так я себе представлял завершение этого вечера.

Глава 5. Так, как я скажу

Адиль

Мы идём к выходу из зала.

Пока Рус плетётся сзади, я достаю телефон и Севе, чтобы подсуетился насчёт шмоток для слишком дорогой куклы, а заодно узнаю, пригнал ли он тачку Рустама.

– Ваши дамы уже ждут, – сообщает администратор, когда мы подходим к закрытой зоне в конце длинного коридора.

Он протягивает нам две одинаковые папки из чёрной кожи, а мне вместе с папкой отдаёт и ключи от машины.

– Вам сюда, – мужчина указывает на двери. – Комнаты оборудованы всем необходимым. Если потребуется помощь – кнопка вызова на панели.

Молча киваю и чисто из мелкого любопытства открываю свою папку. Первое, что бросается в глаза – возраст. Двадцать лет.

Блять, да она ещё совсем ребёнок.

Хмыкаю, не соображая, как это вообще могло произойти, и закрываю папку, решая изучить все нормально дома. Я слишком устал, чтобы делать это сейчас.

– Сева пригнал твою тачку, – бросаю брату одновременно с тем, как кладу ключи ему в руку. – Не гоняй.

– Кто бы говорил, – усмехается, убирая их в карман. – По-

сле твоих «аккуратных» поездок у меня невроз.

– У тебя он всегда был, – парирую спокойно.

– Потому что ты меня воспитывал, – не успокаивается Рус.

А мне на это, собственно, даже возразить нечего. Это факт. Я слишком многих тараканов из своей головы переселил в его. И я уверен, что многие скажут, будто без них Рус мог бы стать другим человеком… не мог бы. Мы оба слишком много хапнули дерьма, чтобы теперь жить без паничек и внутренних травм.

– Давай, – Рус хлопает меня по плечу, указывая на дверь, за которой сидит слишком дорогая пизденка. – Иди успокаивай свою дрожащую лань. И будь поласковей, а то не все такие терпеливые и понимающие, как я.

Хотелось бы сказать ему, что он меня с кем-то перепутал, но я просто понимаю, что он на нервяке. Поэтому молчу.

– Звякни завтра, – коротко бросаю, разворачиваясь к двери.

– А если не смогу?

– Тогда я сам звякну. В морг, – отвечаю вполне серьёзно, потому что ненавижу неизвестность, а ещё, когда этот говнюк гасится.

Брат что-то бубнит себе под нос, но я уже не слушаю. Захожу в тёмное помещение и единственное, что бросается в глаза – хрупкая фигура, свёрнутая калачиком и повёрнутая к окну. Я не вижу, плачет она или нет, но замечаю, как по-

драгивают плечи, и только от этого начинаю беситься.

И именно поэтому я просто выхожу из комнаты.

– Приведите её к машине. В маске, – роняю охраннику у двери, а затем ровным шагом направляюсь к выходу из клуба. Нет ни времени, ни желания рассматривать кто вокруг и уж тем более с кем-то разговаривать.

На заднее сидение падаю с тихим выдохом и наблюдаю глаза Севы, что пристально следят за мной в заднее зеркало.

– Молчи, – говорю раздражённо, на что он только усмехается.

Проходит несколько минут, прежде чем мой помощник выходит на улицу, а ещё через несколько – деву подводят к тачке. Всеволод помогает ей сесть, я же даже не подаю вида, что нахожусь здесь.

Однако я не совсем деревянный и на полпути всё-таки обращаю на неё внимание. Девушка, сидящая рядом, похожа на полотно. Бледная, испуганная. Каждая мышца на её теле заметно дрожит, и это видно так отчётливо, потому что платье, которое на неё надели – не скрывает вообще ничего. Одно движение и я могу снять его полностью.

Но не делаю этого. Не потому, что мне похер или она не вставляет. Мне кажется, странным делать это так. Это Рус у нас по части “доставки” женщин. Я же не привык платить за то, что и так должно быть моим. Для этого женщины созданы.

Она молода. Очень. Круглый овал лица, пухлые губы, что

потрескались и каждые две секунды сжимаются в тонкую линию. Тёмные волосы уложены в аккуратную причёску, но видно, что ей это несвойственно. Да в целом, каждое её шевеление неуверенное. Будто даже кожаное сидение – не для неё.

Она красива. Наивна. И непорочна. Таких хочется испортить, потому что знаешь – потом это всё будет принадлежать тебе.

Только вот… уже принадлежит.

И у меня лишь два вопроса: как это божье создание вообще попала на аукцион? И что мне с ней делать, чтобы её по чистой случайности не хватил инфаркт?

Спустя полчаса мы оказываемся на подземной парковке моего дома. Выхожу первым и жду, когда Сева вытащит дрожащую лань из салона, а затем передаст мне в руки. Мы без слов прощаемся, потому что он и так знает, во сколько меня следует забрать завтра, и затем уходит.

Дальше по классике: кнопка лифта, двери открываются, мы едем. Единственное, что в это не нормально – она молчит. Я жду, что хотя бы спросит моё имя, но нет. Тотальная тишина. И лишь когда мы заходим в квартиру, а я снимаю с неё повязку – девушка часто моргает и облегчённо выдыхает. Видимо, она молилась о том, чтобы я не оказался дряхлым стариком. И правильно делала, в общем-то…

– Я завтра решу, что с тобой делать, – говорю вкрадчиво, разворачивая её к себе лицом, в очередной раз поражаясь

тому, какая она миниатюрная.

– Отпустите меня домой, – шепчет сорванным голосом.

– Это вряд ли, девочка, – усмехаюсь, глядя на неё прямо. – За те деньги, что на тебя потрачены… я буду пользоваться ситуацией по максимуму.

– Я не буду с вами спать, – пытается сделать короткий шаг назад, но я останавливаю её, хватая за локоть.

– Ты будешь делать всё, что я скажу, – рычу тихо, цепляя одну лямку на её платье, и сдёргиваю вниз. – Скажу принести мне завтрак и открыть рот, чтобы принять член – ты сделаешь это. Скажу, встань на четвереньки и притворись собакой, – продолжаю, цепляя вторую лямку и тоже сдёргиваю её. – Ты встанешь на четвереньки и будешь лаять. Ясно?

Ткань держится на хрупком теле только потому, что она придерживает платье одной рукой, но я с упоением наблюдаю, как бешено колотится венка на её шее под тонкой кожей. Она ловит истерику, и если ещё не накрыло, то это случится очень скоро.

– Не буду, – хрипит, а я опять улавливаю слёзы в этих двух коротких словах.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что здесь у тебя есть выбор, – обхватываю её щёки пальцами, накрывая ладонью рот. – Ты – вещь. Я тот, чей голос ты должна слушать открыв рот. А если попробуешь возразить, то здесь, – показываю ей папку с информацией, – я по-любому найду за что зацепиться. Если ты, конечно, не желаешь проредить свою семью.

И без того большие голубые глаза становятся огромными и стеклянными. Из-за того, что её рот закрыт, она не может ничего сказать, но я вижу, насколько тяжёлым становится дыхание. И снова бешусь.

Откидываю её лицо от себя и уже уходя, с презрением бросаю:

– И не разводи влагу в этой квартире. Иначе я заставлю тебя вылизывать пол языком.

Глава 6. Пустота

Римма

Он уходит, оставляя меня одну, и я тут же утопаю в приступе паники. Как в припадке бросаюсь к двери, дёргая ручку, но она не подаётся. Пытаюсь нашарить замок или ключ, но ничего нет. Только ручка и какая-то панель.

Воздух отказывается поступать в лёгкие. Тут же укладываю ладони на горло и сжимаю, надеясь, что это поможет сделать хотя бы маленький глоток, но нет. Всё тщетно. Сама не замечаю, как стекаю на пол, захлёбываясь слезами, и предательски невесомое платье укладывается вокруг меня, будто оберег. Черта, за которую никто не сможет зайти. Только вот… сможет. И он чётко дал понять, что выбора у меня нет.

Сжимаюсь плотным клубком, обнимая колени. Пытаюсь не плакать, потому что угроза слишком громко трещит в моих ушах. Действительно успокаиваю себя, но меня хватает ровно на несколько минут, а затем рыдания рвутся с новой силой.

Даже не слышу, когда рядом оказывается Он. От лёгкого шороха сбоку, моё сердце начинает долбить о рёбра так часто и больно, что я чисто по инерции ещё сильнее сжимаюсь в плотный клубок.

– Ты решила проверить, насколько серьёзно я говорю? –

недовольный низкий голос режет слух, и из-за этого я тут же замолкаю.

Нет, я не перестаю плакать, просто теперь весь вой тонет где-то глубоко внутри, а я лишь судорожно выдыхаю через нос, прикусив при этом губу.

– Вставай, – басит без права выбора.

Но я не делаю этого. Я боюсь того, что будет дальше. Что в его голове? Запереть? Издеваться? Изнасиловать?

Внешне этот мужчина не похож на жестокого, но все слова, сказанные им – прямое доказательство фразы "не суди по обложке".

– Поднимайся, Римма, – повторяет жёстче и произносит моё имя так упрямо, что мне бы в пору подскочить, однако я продолжаю сидеть неподвижно.

Сначала не происходит ничего, а затем я чувствую острую боль на своём запястье, за которой следует рывок. Ещё секунда и я уже стою на ногах, а мужчина смотрит на меня таким взглядом, что я хочу отвернуться.

Его пальцы сильнее сжимаются на моей коже, и я не вижу, но чувствую, что там останутся следы. Возможно, синяки.

– Не выводи меня, – рычит, приближаясь к моему лицу.

Только сейчас, сквозь пелену слёз, замечаю, что он уже не в костюме, а в обычно белой футболке. И всё равно выглядит устрашающе.

– Пошли, – делает шаг в сторону, утягивая меня за собой.

Иду следом, будто безвольная кукла, едва успевая пере-

гребать ногами и поднимать подол платья, что путается всё сильнее с каждым шагом.

Мы проходим коридор, через несколько шагов оказываясь у лестницы, поднимаемся наверх и снова идём по коридору. Не успеваю прослеживать дорогу полностью, но если честно мне всё равно.

Я хочу домой.

Хочу лежать на одном диване с мамой, зная, что за стеной спят братья.

Хочу думать лишь о том, что завтра устану от работы, а не о том, какой ад меня ждёт.

В какой-то момент мы останавливаемся, а затем дверь перед моим носом открывается и он практически закидывает меня в комнату.

– Твоя спальня. Не выходи из неё, пока я дома. И как только услышишь, что я вернулся – заходишь обратно. Сделай всё, чтобы я тебя не замечал, – отстреливает словами и сразу же закрывает вход.

Становится тихо. Только моё сердце колотится слишком громко. Настолько, что, мне кажется, будто его можно услышать даже с первого этажа.

Слёзы не кончились. Они продолжают бежать, но уже беззвучно. Словно мой разум смирился с неизбежным, однако при этом не успел сообщить мозгу, что нужно перекрыть каналы.

Вокруг темно. Свет заходит только из панорамного окна

во всю стену. И благодаря этому я замечаю на широкой кровати бумажные пакеты.

Но мне так плевать, что это. Я просто падаю лицом в матрас, надеясь, что это поможет мне прийти в себя.

Не помогает.

Ничего не помогает.

А вся тишина и темнота только вызывает ещё больше вопросов и самый важный из них: может, он передумает и отпустит меня?

***

Я не понимаю, в какой момент меня отключает, но когда я открываю глаза – в помещении светло и солнце светит очень ярко.

Мне стоит немалых трудов привыкнуть к такой обстановке, а ещё больше сил уходит на то, чтобы собрать себя по кровати. И когда мне это, наконец, удаётся – оглядываюсь.

Светлая комната, без излишеств, но при этом каждая редкая деталь кричит о деньгах. Картина над комодом; сам комод, который явно сделан из дорогой породы дерева; кожаное кресло у высокого окна; ваза с цветами на столике перед ним; даже прикроватный коврик с высоким ворсом. Он вообще выглядит так, словно песок насыпали у изножья. Я даже не сдерживаюсь и спускаю ногу, погружая её в приятную текстуру. И действительно, будто на пляже.

Веду головой в сторону, натыкаясь взглядом на пакеты, что всё ещё стоят на другой стороне матраса. Не хочу смот-

реть. Однако всё равно тянусь и заглядываю в них.

Там вещи. Обычные домашние, пижамы, какие-то кофты, будто на выход. Но я думаю, мне показалось.

И я хочу выйти, найти его, кинуть в него этими пакетами, сказав, чтобы он ими подавился. Хочу и не делаю.

Может, я молода. Возможно, наивна. Но я точно понимаю, что с этим человеком истериками не справится. С ним вообще никак не справится, потому что единственное, что я видела в его взгляде вчера – пустота.

И от этого я боюсь ещё сильнее.

Глава 7. Маски

Адиль

Это будет сложнее, чем я думал. Одно осознание, что она где-то в пределах моей квартиры – выводит меня из себя, но я всё ещё надеюсь, что пока я её не вижу, дышать будет проще.

Ровным шагом иду от её спальни к своей, но торможу на полпути, понимая, что хер усну без помощи старого друга и меняя траекторию, иду в кухню. На нижней полке "острова" достаю бутылку вискаря, там же беру стакан и наливаю до половины. В несколько крупных глотков заливаю в себя содержимое, чувствуя, как жжёт горло, но определённым образом получаю от этого наслаждение.

Несколько минут просто стою, таращась в одну точку, а затем наливаю ещё и, убирая бутылку на место, цепляю бокал, уходя в спальню.

Папка так и лежит на кровати рядом с костюмом. Я не хочу её читать, потому что в моей башке и без того слишком много лишней информации, но что-то внутри зудит. По типу: ты не можешь держать в своём доме человека, не узнав о нём ничего. Привычка, выработанная годами.

Мне требуется не больше нескольких минут, чтобы принять решение и сначала убрать костюм на кресло, а затем за-

глянуть в неё. И опять, первое что бросается в глаза – возраст. Полякова Римма Николаевна – но имя я уже смотрел. Двадцать лет, старший ребёнок в семье. Двое младших братьев, мать-инвалид.

Шикос.

Вот это девчонку жизнь помотала. Почти перекрутила в фарш.

Сам не замечаю, как усаживаюсь на кровать, а стакан ставится рядом, на покрывало, пока я погружаюсь в вереницу букв, на которые плевать хотел.

Три работы, долги перед банками, долги по учёбе… в общем-то, мне понятно, почему она пришла на аукцион, но почему тогда сейчас впадает в рёв и не желает раздвинуть ноги?

Вообще, я не из тех, кто будет выяснять, что да как. В любой другой ситуации, увидев такую реакцию, я бы тупо выставил её за дверь, но этот случай отличается. Примерно на сорок миллионов.

Читаю ещё полторы скудных страниц с адресами работ, секций братьев, их дома. Несколько предложений про её образ жизни, судя по которым она – аленький цветочек, ни разу не замешанный в чём-то опасном и невидевший член вживую. Хотя я думаю, она и на экране его не видела. И лишь в конце замечаю приписку под звёздочкой: *заказана.

А, так вот в чём дело… она не сама пришла, а её заказали. Теперь хотя бы понятна причина её истерик. Правда, мне всё ещё похер и я всё ещё не собираюсь их слушать, но сейчас

нет диссонанса в моей башке.

Встаю, убираю папку в ящик стола и подойдя обратно, заливаю в себя остатки из стакана. Сна всё ещё ни в одном глазу, а потому я решаю принять тёплый душ. Ненавижу этот момент, когда в определённое время ты перебарываешь и без того отвратительное желание ко сну и потом приходится всеми возможными способами заставлять себя уснуть. Потому что знаешь – завтра тебя ждёт ебучее общество и толпа тупых людей, которые вроде называют себя специалистами, но при этом, как только наступает нужный момент – в их взгляде безграничная пустота и мартышка с бубенцами.

Шаг под тёплые, почти горячие струи душа вынуждает каждую мышцу напрячься, а затем расслабиться. И такие спазмы проходят по всему телу. В идеале, сейчас мозг должен получить знак, что ему пора спать, но в моём крутится слишком много информации. Бизнес, в который лезет какая-то крыса, каждый раз обваливая жалобами; проверки, на которых мне приходится быть; технические поломки на заводах, которые меня больше злят, чем напрягают.

Я чувствую, что на грани. И меньше всего хочу, чтобы эта грань стёрлась, потому что тогда достанется ближайшим, а значит, Рустаму и Севе. Двое людей, кто обычно попадает под “горячую руку”, и если брат – танк, не обращающий на это никакого внимания, то Сева потом ходит с таким видом, будто я ему в тарелку насрал. А ещё может залупиться, но ему это позволительно.

Сам не знаю, в какой момент он стал из числа тех, кому я это прощаю.

Подставляю лицо, позволяя воде смыть с меня остатки раздражения, но это помогает ровно на несколько секунд, а затем всё встаёт на свои места. Безразличным, агрессивным ко всему миру и антипатичным к людям местам.

Выхожу из душа, не обтираюсь полотенцем. Вода стекает на пол, а за каждым шагом тянется мокрый след.

Прям так и падаю в кровать, накрываясь тонким одеялом. Беру в руки смарт, открываю на нём пульт от кондиционера и выставляю температуру на восемнадцать. Как только прохладный воздух из системы и свежий с улицы смешиваются – дышать становится проще. Комната погружается в температуру, сравнимую с пещерой, и это ненадолго, но даёт иллюзию того, что я не нахожусь в обществе.

Мне стоит немалых сил, чтобы быть во главе и быть лицом нашего с братом тандема. Но когда зашла речь о том, что мы должны перехватить семейный бизнес – Рустам всё ещё не был полон желания жить днём, а я… засунул в жопу свои хотелки и сделал это за нас двоих, чтобы Русу было чуть легче. Он не бездельничает. Работает, возможно, даже больше меня, просто делает это вдали от людей. Ему не приходится менять одну маску за другой, к концу дня теряя нить и забывая, кто ты есть на самом деле.

И я рад. Реально рад, что единственная его проблема кроется не в том, чтобы наступать себе на горло.

Туплю в экран несколько секунд. Понятия не имею, что хочу сделать, но будто бы внутри долбит чувство раздражения от осознания, что девчонка всё ещё рыдает.

Я ненавижу женские слёзы.

Открываю приложение охраны дома и на многочисленных экранах нахожу её комнату. Не жму. Просто смотрю, как зависла картинка. Сомневаюсь пару мгновений, а затем всё же открываю.

Она спит. Нервно сжимает в кулаке до побелевших костяшек покрывало и даже во сне – не отпускает его. Шелковое платье раскинулось вокруг ореолом, в темноте отливая бордовым. Одно бедро оголилось из-за высоких вырезов настолько, что видна часть аккуратной, упругой задницы.

Даже с искажением – идеально гладкая кожа и мягкие очертания фигуры. От вида на такую, член сам себе даёт команду “ФАС”.

В её взгляде горел огонь, когда она смотрела на меня, хоть и напугана была до чёртиков. Не понимаю нахера, но этот вид мне запомнился. Наверное, потому, что я помню такое же выражение в себе. В Рустаме. И никому такого не пожелаю.

Несмотря на двадцать лет, она всё ещё почти ребёнок.

За которого я заплатил немаленькие деньги.

И хочет она или нет, но ей придётся их отработать. А каким образом… я решу потом.

Глава 8. Разговор, который хотелось бы отложить

Адиль

Я так и не уснул. Сколько ни пытался – не получилось. Даже когда потолок плыл перед глазами – я закрывал глаза, и сон пропадал.

Именно поэтому стоит солнцу показаться из-за тонкой щели между шторами – встаю, отключая будильник, который так и не заиграл. На кой хер я вообще его постоянно ставлю, если всё равно каждый раз просыпаюсь раньше?

Иду в ванную, умываюсь. Каждый стук капель о раковину хлещет по нервам слишком сильно. Каждый шорох ощущается так, будто рядом проходит стадо слонов. А мне остаётся лишь надеяться, что сегодня в офисе мне не станут ебать голову, иначе придётся кого-то убить.

Без шуток.

Надеваю чёрную рубашку – первое, что показывается на глаза в гардеробной; брюки. Поправляю часы, которые практически никогда не снимаю чисто из-за привычки.

Даже не пытаюсь посмотреть, спит ли мой подкидыш. Просто выхожу и, цепляя документы в своём кабинете, выхожу на парковку, где уже ждёт Сева.

– Ты рано приехал, – констатирую очевидное.

– Ты рано проснулся, – парирует со смешком.

Вот и обменялись любезностями.

Ну и, конечно же, меня не оставляют в покое, даже несмотря на то, что я первым оказываюсь в офисе. Сначала появляется Света, периодически заглядывая в кабинет, чтобы то принести кофе, то показать короткую юбку. Я не против, но понимаю, что скорей всего к концу дня от этой юбки ничего не останется.

Потом начинается самое весёлое. Очередные встречи со специалистами заводов, срывы сделок, которые недотягивают замы и бесконечная долбёжка на мой мозг. Настолько нервирующая, что к обеду вместо кофе я пью виски, но это нихера не помогает, и на последней встрече с начальником финотдела отдела я обещаю ему открутить голову, если он не найдёт "пропавшие" семь лямов.

А вишенкой на торте оказывается прибытие брата, о котором Света сообщает мне по телефону. Естественно, я не ждал, что он отпустит тему со своей златовлаской, но надеялся, что этот разговор произойдёт не тогда, когда я на грани.

– Какими судьбами? Неужели твой адрес убрали из списка на доставку? – спрашиваю с издёвкой, как только Рус вихрем влетает в кабинет.

– Не валяй дурака, – устало бросает Рус. – Ты прекрасно знаешь, почему я приехал.

– Удивлён, что не начал пытать меня вчера, – хмыкаю и, разваливаясь в кресле, приготавливаюсь к допросу. Точнее, пытаюсь, но каждая новая попытка оборачивается провалом, ибо настроя нет даже думать – не то что говорить.

– Злата какого-то хера думает, что это я её заказал, как безделушку, – нервно вышагивает по кабинету брат, нервируя этим ещё больше.

– Ну так скажи, что не ты, а я, – усмехаюсь. – На её месте я бы радовался, потому что, то место, куда её сдала мачеха, точно хуже, чем даже твоя хата. Но если тебе станет спокойнее, я взял деньги из твоего запасного счёта, когда заказывал её.

– Ты как будто новости с НТВ мне сейчас рассказываешь, – хмурится Рус и трёт переносицу. – Что за пиздец вообще происходил в её жизни. Она же хер расскажет.

Глубоко вдыхаю, выдыхаю тяжко. Как же я, блять, ненавижу эти сопливые мелодрамы. Эти сраные выяснения отношений: кто, кому, за что, почему. Неужели нельзя просто радоваться, что тебя не трахает старый дед, а твой первый парень. Ничего сложного ведь?

– Помнишь, год назад я ездил в командировку на Кипр? Там ещё была конференция, где херова туча народа была? Я звал тебя с собой, – перебирая ручку между пальцев, начинаю издалека.

– Предположим, что помню. Ты вообще много куда звал меня, хотя знаешь, что это херня затея, – усмехается Рустам.

– Не суть, – отмахиваюсь. – Там был папаня твоей пшеничной. Я тогда узнал, что у него не всё гладко, и предложил помощь. Естественно, только из-за тебя, – хмыкаю, потому что я бы ни за что не стал страдать этой хернёй, если бы не брат. В целом, мне почти всегда похер, что происходит вокруг, если это не касается нас двоих. – А он… Как бы так помягче сказать… оказался гандоном. Ну а я же дважды не предлагаю, – стреляю взглядом в брата, надеясь, что дальше он всё и так поймёт.

Но мне кажется, что в его башке сейчас ни один механизм не заточен под мыслительный процесс. Либо кровь в пах ушла, либо мозг на тумбочке возле Златы лежит.

– Короче, там дальше всё пошло совсем по пизде. Долги, ямы, не совсем чистые ростовщики. И по итогу, когда твой несостоявшийся тесть склеил ласты – за их фамилией потянулась вереница дерьма. Я наблюдал. Думал, если что подстрахую, но немного не успел. А когда батя её встретился с предками, то мачеха долго не размышляла и сдала твою Бемби ростовщикам, – поджимаю губы, представляя реакцию на последующие слова. – В бордель.

Рус молчит какое-то время, переваривая услышанное. А ещё он явно в ахуе.

– Ебать ты супермен, Адиль, – скалится брат. – Всё красиво расписал. Только один вопрос остался. Почему ты мне ничего про это не рассказывал?

– А нахера? – неподдельно удивляюсь. – Ну, бегали бы за

этим бестолковым старикашкой двое Айдаровых, предлагая помощь. Думаешь, что-то изменилось бы? Там вся семейка упрямых баранов.

– Предположим, ты прав, – садится Рус в кресло для посетителей и сверлит меня взглядом.

– Не предположим, – хмыкаю. – Ты знаешь, что я прав.

– Да-да, – бросает раздражённо брат. – Вообще, у меня ещё один вопрос нарисовался. Почему именно аукцион? Зачем ты её туда притащил?

– Ты сегодня слишком разговорчивый, – тру переносицу пальцами, слишком отчётливо ощущая отсутствие сна. – Потому что, предложи я ей лично денег – был бы послан. Сказал бы тебе и ты бы предложил – был бы послан. Просто отдал эти деньги в бордель – мы бы наблюдали, как твоя Златовласка валит в закат. А так всё в плюсе: я посмотрел на твою довольную рожу; твоя пизденка не торгует собой и при этом сидит под боком. И-де-аль-но.

– Осторожнее со словами, – шипит Рус и встаёт.

– Ц-ц, тебя жизнь так и не научила тому, что женщины – слабое место? – подпирая кулаком голову, спрашиваю. – Уж ты-то должен это помнить так же, как и я.

– Если бы я смог такое выкинуть из головы, то, наверное, начал бы спать по ночам, как все нормальные люди, – косится на меня брат.

– Просто… – понимаю, что перегнул, но терпеть не могу включать жалость, поэтому лишь выбираю фразы помягче. –

Будь осторожнее. Что-то происходит, Рус. И чем дальше, тем отчётливее я это понимаю. Только пока что не могу понять, откуда летят подачи.

– И опять я не в курсе дел, – вздыхает устало Рус, обеспокоенно глядя на меня. – Тебе нужна моя помощь?

– Пока что нет. Но если эта херота продолжится, то твой сон – даже дневной – отменяется, – признаю очевидное.

– Отлично, – почти что улыбается Рустам. – Натравишь на врагов своё самое грозное оружие – брата-зомби.

Не знаю почему, но эта фраза вызывает во мне смех. Не, так-то он – самое неожиданное моё оружие, потому что мало кто ожидает от него чего-то большего, чем недовольная рожа.

– Именно. Но если ты сам ещё не в курсе, значит, по внутрянке проблема ещё не пошла. Уже радует, – долблю пальцами о столешницу задумавшись. – Слушай, – вдруг осеняет меня. – Твой доступ к моей хате… я про видео. Будь настоящим братцем и отключи у себя одну спальню, – резко меняю траекторию разговора.

– Ту, где ты развлекаешься с нежным оленёнком? – ржёт в кулак Рус.

От одной формулировки меня перекашивает, но я молчу.

– Придурок, – давлю сквозь злость. – Ты прекрасно знаешь, что не “развлекаюсь”. Просто… не надо.

– Неужели ты думаешь мне заняться нечем, кроме как пялить в экран, чем вы там занимаетесь, – закатывает глаза он.

– Особенно сейчас, – добавляет, хитро улыбаясь.

А мне снова становится мерзко.

– Всё. Иди отсюда, пожалуйста, – морщась роняю.

– Вот так и выбирайся из дома почаще, ага, – смеётся брат. – Ты хоть бы улыбнулся для приличия, что я к тебе внезапно приехал.

– Ещё бы ты без повода приезжал. Ну там, не знаю… посидеть вместо меня на совещаниях, пообщаться со своими подчинёнными, – давлю такую улыбку, после которой ему больше не придёт в голову мысль её просить.

– Фу, какие гадости ты озвучил, – кривится Рус. – Как ты вообще это всё выдерживаешь?

– С молитвами, – отвечаю со смешком. – И вискарём в ящике стола.

– Мне бы даже это не помогло, – усмехается братец и уже вышагивает к выходу, чтобы уйти, но в последний момент останавливается и разворачивается ко мне. – Кстати, я хоть и говорил уже это, но повторю – спасибо.

Рустам не уточняет за что, но я и так всё понимаю. За свою белогривую.

А я ничего не отвечаю. Только едва улыбаюсь и киваю. Ненавижу, когда он меня благодарит. Потому что чего бы я ни сделал для него – этого мало, чтобы перекрыть то, что он делает для меня.

– И это, Рустам, – окликаю его за секунду до того, как он выйдет за дверь.

Брат смотрит на меня в, пол-оборота вопросительно задрав бровь.

– Передай Свете зайти.

– Проблемы? – в его голосе тревога.

– Не-а, просто если я не разряжусь, то либо выебу, либо убью первого, кто зайдёт после тебя, – хмыкаю, на что Рус только ржёт, а затем выходит.

С момента, как дверь закрывается, а затем открывается снова, проходит пара минут. В пороге тут же появляется Света с широкой улыбкой и ровной осанкой, из-за которой её грудь подходит раньше неё.

– Вызывали, Адиль Тимурович? – щебечет тонким голосом, вставая напротив, через стол.

Вместо ответа отъезжаю на стуле чуть назад и указываю взглядом перед собой.

– Иди сюда.

Она покорно подходит, понимая, зачем я её позвал, и без вопросов садится на колени передо мной. Если мне и это не поможет, то я сожгу к херам весь офис.

Глава 9. Зря

Римма

Как только порыв устроить бунт, утихает – я переодеваюсь в один из домашних костюмов бежевого цвета и медленно, будто на обстрел, выглядываю из комнаты. В квартире такая тишина, что я сначала даже теряюсь, а затем, делая шаг в коридор, застываю статуей. Вид, что открывается передо мной… просто невероятный.

Ночью я не видела этого. Из-за темноты или паники – не знаю. Но сейчас… меня окружает какая-то царская обстановка, при этом в ней царит абсолютный минимализм. Высокие потолки, настолько, что даже на втором этаже они под три метра – не меньше. А если перегнуться через перила и смотреть с первого этажа – то и вовсе все шесть. Одна стена сделана полностью из стекла, а за ним весь город как на ладони. Те стены, что сделаны из бетона, покрыты какой-то декоративной штукатуркой. Всё тёмное, но не мрачное. Наоборот… будто бы спокойное. Словно хозяин этого дома ищет успокоение хоть в чём-то.

Редкие картины, стоящие на полках, похожие на геометрию красками. Несколько цветков в больших горшках на оба этажа. Даже мебели минимум: в гостиной диван и пару кресел, не считая кофейного стеклянного столика и огромного

телевизора.

Та комната, из которой я вышла – значительно отличается от всего остального. И хотя в ней тоже минимум мебели, но она светлая.

К моменту, как я нахожу кухню, мне кажется, что в ней не окажется посуды, однако одинокий бокал, стоящий на "островке", подсказывает, что что-то здесь всё же есть.

Напоминаю себе, что пришла сюда не за завтраком. Мне нужно найти способ уйти отсюда. И если я зашла, значит, смогу и выйти.

Оглядываюсь и тут. Как и во всей квартире, здесь минимум мебели и темно. Однако, видимо, это единственное место, где есть огромная люстра. Красивая. И будто бы сделана специально для этого помещения. Вся техника выглядит так, будто ей вообще никогда не пользовались и стоит заглянуть в холодильник, я понимаю: да, тут хозяин бывает реже всего.

Наливаю в тот же бокал воды из-под крана, чувствуя древесный и травянистый запах. Делаю несколько глотков, лишь после третьего понимая, чем он пахнет. На стенках остался привкус. Это вкусно снотворного. Я давала такое братьям, когда с мамой произошёл несчастный случай.

Значит, тот мужчина пил его. Или кто-то другой? Неважно.

Отставляю бокал и готовлюсь морально к тому, что понятия не имею, где оказалась. Крадусь к входной двери чисто по памяти, но квартира, которая с виду кажется небольшой,

по итогу оказывается каким-то, блин, лабиринтом.

Спустя несколько попыток по памяти выбрести к выходу, я всё же стою напротив дверного полотна. У которого есть ручка и какое-то табло над ней. Ни замка, ни ключей. Ничего, что дало бы надежду выбраться отсюда.

Однако я всё же обхватываю ручку пальцами и дёргаю. И… ничего. Абсолютно ничего не происходит.

Сердце начинает колотиться как сумасшедшее, пытаясь пробить рёбра и самостоятельно найти выход из этой клетки. Но чем больше вариантов я кручу в голове, тем быстрее на меня нападает паника. Она мешает дышать. Мешает сделать хоть движение. И именно поэтому я так и стою с ручкой в руках, не в силах пошевелиться. Лишь дышу редко и пытаюсь сморгнуть подступающие слёзы.

Не знаю, сколько времени проходит, прежде чем я возвращаюсь в реальность. Точнее, прежде, чем я возвращаю себе способность мыслить и видеть. Однако мне хочется, чтобы передо мной были двери родной квартиры, а не это.

Делаю шаткий шаг назад. Придумываю ли я способы вынести эту дверь? Да. Верю ли я в хороший исход этой затеи? Точно – нет.

Чувствую, как кожа покрывается ледяными, мерзкими мурашками от осознания, что я заперта. Действительно, словно игрушка в руках того… кому плевать на окружающих и их чувства. Я поняла это вчера. Поняла это, когда мой “покупатель” смотрел на меня, как на кусок несвежего мяса,

который ему подали в очередном ресторане. И от этого кроет ещё больше. Потому что я не хочу быть тем, кем являюсь сейчас.

Не знаю при помощи каких усилий, но добираюсь до той комнаты, что мне так услужливо выделили. Падаю лицом в матрас и вою. Просто вою от безысходности. Уже даже не плачу, будто организм решил, что в этом нет необходимости. Словно он сказал мне: это бесполезно. И единственный выход, который я вижу – умолять отпустить меня.

***

Я засыпаю с сухими глазами, но при этом чувствую агонию внутри. А когда просыпаюсь – нет ничего. Вообще. Будто меня выжали насухо.

Смотрю на высокое окно, за которым уже нет солнца, однако светятся огни города. Не могу не признать, что здесь красивый вид. Словно специально созданный для размышлений. Или для того, чтобы уничтожать себя внутренне.

Сажусь на край кровати, прижав к себе колени и уложив на них подбородок. Смотрю на своё отражение, периодически фокусируя взгляд на высоких домах снаружи. Чувствую себя паршиво. Настолько, что к горлу подкатывает тошнота.

Сама не понимаю, как прислушиваюсь. Надеюсь услышать хоть какие-то звуки, но мужчина так и не вернулся, видимо. И в этот же момент мой организм встаёт на дыбы, будто бы сообщая: прошло почти двое суток, как ты ничего не ела и мне не хватает двух глотков воды. Но я помню, что еды здесь

нет. Поэтому решение залить вспыхнувший пожар водой – кажется самым удачным.

Опять на цыпочках, украдкой выглядываю в коридор и только когда ответом мне становится тишина – иду по уже знакомой дорожке. Здесь по-прежнему царит полумрак, а стакан, что я оставила на столешнице, так и стоит тут.

Снова беру его, наливаю воды из-под крана и жадно выпиваю залпом. Наливаю ещё. Снова пью. Третий раз уже не так усердствую, потому что стоит сделать большой глоток, как жидкость попадает не в то горло и я давлюсь.

Закашливаюсь, пытаясь поймать дыхание, но только ещё больше задыхаюсь. Проклинаю себя за торопливость. А ещё за то, что пока кашляю, разливаю всю воду. И лишь когда прихожу в норму – смотрю на лужицу под моими ногами.

– Чёрт… – выдыхаю тихо.

Оглядываюсь, ищу глазами тряпку или полотенце и нахожу вторые на самой нижней полке “острова”. Облегчённо выдыхаю, усаживаясь на корточки, и достаю одно. Вытираю следы того, что я была здесь, чтобы лишний раз не бесить своего надзирателя, а когда вытираю всё насухо – довольная собой поднимаюсь на ноги.

И тут же вскрикиваю, роняя полотенце и стакан, который всё это время держала в руке. Раздаётся звонкий стук, а затем стекло рассыпается мелкой крошкой у моих ног.

А всё потому, что передо мной стоит он. С другим стаканом руке, наполненным тёмной жидкостью и… полностью

голый.

Впериваюсь взглядом в его лицо, чтобы он не подумал, что я пялюсь ниже.

Время застывает. Он молчит. Я молчу, чувствуя, как сердечко опять разгоняется до невозможности. Жар разливается по телу, заставляя щёки вспыхнуть. Закусываю губу, чтобы не показывать своего состояния, но думаю, даже слепой поймет, насколько мне... неудобно.

Единственное, что радует – на его лице нет недовольства. На нём вообще ничего нет. Полное отрешение.

– Я думала… Вас нет, – шепчу тихо, продолжая смотреть в голубые с золотыми крапинками глаза.

– Выпьешь? – протягивает мне бокал.

– Я не пью, – коротко качаю головой, не рискуя даже моргать.

– Не пьёшь, не куришь. С работы домой. Вся жизнь мимо проходит, – усмехается. – Давай хоть член покажу, пока молодость не пролетела, – выдаёт весело, а затем более задумчиво давит: – А точно, ты ведь уже его видишь.

– Я не смотрела, – задерживая дыхание, тяжело сглатываю.

– Зря, – хмыкает, оглядывая меня с ног до головы.

А затем разворачивается на пятках и бросает через плечо:

– Потом уберёшь. Пошли за мной.

– Куда? – пищу, и тут же прокручиваю в голове все новостные сводки про изнасилование.

– Не заебывай меня вопросами, и тогда не придётся представлять самое страшное. Иди. За. Мной, – всё также не оборачиваясь добавляет.

А я… иду.

Глава 10. Продолжай

Римма

Мне просто ничего больше не остаётся. Следую за его фигурой, стараясь смотреть чётко между лопаток, и, уверена, он чувствует мой взгляд.

Не могу не заметить того, как идеально он сложен. Будто этот мужчина не вылезает из зала. Мышцы упругие, отчётливо перекатывающиеся под кожей и натягивающие её так, что создаётся впечатление, будто она вот-вот разойдётся по швам.

Всего на несколько минут я задумываюсь об этом. Всего на несколько минут отключаюсь от перебирания вариантов, куда он меня ведёт. И на эти же несколько минут, наконец перестаю мучить себя страхами.

Но затем, когда мы поднимаемся на второй этаж, а мужчина сворачивает в противоположную от “моей” комнаты сторону, я снова напрягаюсь. Буквально ощущаю, как каждая молекула в моём организме застыла в ожидании опасности.

Он толкает дверь, входит в какую-то комнату и судя по тому, что дверь остаётся открыта – ждёт, когда войду я. Стою на пороге, мнусь на месте, смотрю на его профиль. Только на него. Взгляд не опускаю. Но мне хватает одного воспоминания, о том, что он голый и я снова заливаюсь жаром.

– Зайди, – и говорит это спокойно, но в голосе столько стали, что становится не по себе.

Вроде молод, а замашки какие-то… диктаторские.

Делаю этот шаг. Чисто на морально-волевых, потому что всё нутро кричит мне развернуться и бежать. Но я не хочу его злить. Я хочу его задобрить и попросить отпустить меня.

Стоит двери за моей спиной захлопнуться, и мужчина уходит, оставляя меня одну. Это радует. Потому что теперь я хотя бы могу свободно вздохнуть полной грудью. Однако вместе с воздухом, в мои лёгкие забивается запах. Его запах. Мужской, тяжёлый. Мятный, смешанный с деревом и чем-то сладким.

Оглядываюсь, пытаясь понять, где источник запаха, но меня вдруг осеняет, что так пахнет он. Это его аромат. Удивительно, что я не почувствовала его после того аукциона…

Эта комната такая же, как и весь дом: тёмная, одинокая, с минимальным количеством мебели. Лишь кровать, прикроватные тумбы, несколько картин и стол у панорамного окна.

Спустя несколько минут мужчина выходит из-за одной из дверей и в этот раз в штанах. Самых обычных, спортивных, свободных, серых. Сама не понимаю, как облегчённо выдыхаю.

И он замечает это. Усмехается, обнажая белый клык. На эту секунду его лицо перестаёт быть жёстким, обретая другие черты, что, судя по всему, ему несвойственны.

– Массаж умеешь делать? – бросает через плечо, делая

шаги к кровати.

Сначала я думаю, что мне показалось. Пытаюсь переварить вопрос в своей голове, но когда вижу, как он ложится на кровать лицом вниз, смягчая падение вытянутыми руками – понимаю, что мне не показалось. Аж забываю, что голодная.

– Д-да, наверное, – запинаюсь, не в силах пошевелиться. – Я проходила курсы, когда маме… – замолкаю, решая, что ему не нужно знать подробностей.

– Когда мама попала в ДТП? – договаривает за меня, не поднимая голову, из-за чего звук кажется глухим.

Он знает это? А что ещё он знает? Что было в той папке?

– Вы… знаете? – зачем-то пытаюсь разговорить его.

– Да, – поворачивает голову, глядя на меня.

Без злости, без улыбки. Пусто.

– Тогда… дайте мне уйти, – на каком-то больном воодушевлении подбегаю к кровати и падаю перед ней на колени, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

Бешено шарю по его лицу глазами, словно если моё желание проявится внешне, то он, наконец, сжалится. Проходит минута за минутой, но абсолютно ничего не меняется. Вообще.

– Вы знаете, что у меня два брата. Я единственная, кто работает. Моя семья нуждается во мне, понимаете? Я… я очень переживаю за них. Понимаете?

Он тоже смотрит прямо, немного устало. И не выражает абсолютно никаких других эмоций. В какой-то момент мне

кажется, что я разговариваю с манекеном. Красивым, идеально сложенным и пустым.

– Ничего не изменится, Римма, – роняет спокойно. – Ты всё равно останешься здесь, пока я не захочу обратного, – едва ведёт плечом, а затем… отворачивается, снова утыкаясь лицом в матрас. – Но если ты будешь послушной и перестанешь ебать мне нервы своими рыданиями, то я дам тебе связаться с родными, чтобы сказать, что всё нормально, – добавляет глухо.

Моё сердце на этих словах подпрыгивает, делая один-единственный, болезненный удар о рёбра, а затем будто вовсе затихает. Сжимаю пальцы в кулаки, что лежат на коленях. Оглядываю его снова.

Часть лица, которую видно. Напряжённую спину и расслабленные руки.

Во мне борются двое: та, кто хочет начать кричать, требуя это прекратить, и та, кто научился бороться молча. И вот та вторая – каким-то чудом выигрывает.

Поднимаюсь на ноги, делая короткий шаг назад. Почему-то не отрывая взгляда от мужчины. И тихо, но насколько могу, уверенно, спрашиваю:

– Масло для тела есть?

– Посмотри в ванной, – указывает в сторону двух дверей.

Разворачиваюсь к ним лицом, пытаясь понять какая из них – нужная, но безрезультатно. И потому захожу в первую попавшуюся, сразу же попадая куда надо.

Здесь ещё сильнее пахнет мятой и сладким. Хотя из всего, что может излучать этот запах, на полках стоит лишь гель для душа, флакон парфюма и ещё какой-то бутылёк. Едва подойдя ближе, я понимаю, что это крем. Даже удивляюсь, увидев его, но стоит прочитать, что это крем для успокоения – почему-то вопросы отпадают сами собой.

Беру его в руки, возвращаюсь в комнату. Стою возле кровати, мнусь на месте. Кажется чем-то неправильным, тот факт, что я сейчас начну трогать его.

Обхожу кровать с другого края, снова останавливаюсь, замирая на месте. Смотрю.

Обхожу опять.

– Сядь, Римма, – выдыхает чуть жёстче, приподнимая голову и прожигая меня своими голубыми глазами.

И на этих словах я как собачка Павлова – сажусь.

Одно слово. Моё имя. А звучит как давно отточенный приказ, которому никто не сопротивляется. И я в том числе.

Он внушает в меня страх. Реальный, слишком ощутимый. Настолько, что я вся сжимаюсь, сидя в нескольких сантиметрах от его тела.

Мужчина делает вдох, прикрывая глаза, будто имеет дело с неразумным ребёнком, а затем снова укладывается.

Дрожащими руками открываю баночку, набираю крем и немного перекладываю на его спину. Откладываю ёмкость, снова уставляясь на него.

Боже, да почему так сложно-то?

Едва касаюсь пальцами его кожи, тут же поражаясь тому, насколько он горячий. Будто у него жар. Настолько, что хочется отдёрнуть руку, но я всеми силами заставляю себя продолжить.

Растираю прохладный крем, который тут же становится тёплым, с нажимом провожу пальцами вдоль позвоночника, но не могу надавить сильнее. Потому что сижу неудобно, а моих реальных сил хватит, если только, чтобы прибить комара. И то, рука не поднимется.

– Сядь на меня, – внезапно говорит.

– Ч-что? – замираю, воткнув пальцы между мышц.

– Тебе ведь неудобно, – приподнимает голову. – Сядь нормально.

Хочу возразить. Очень хочу. Но опять почему-то молчу и делаю то, что он говорит.

Медленно забираюсь на кровать полностью, вставая на колени и на них же, подползаю вплотную, перекидывая одну ногу через огромное тело. Под кожей начинает зудеть, как только я усаживаюсь. И хотя между нами два слоя ткани, но мне всё равно неуютно.

Это кажется… чем-то неправильным.

Однако, похоже, так кажется только мне, потому что спустя несколько секунд раздаётся требовательный голос:

– Продолжай.

Глава 11. Новое хобби

Адиль

Эта блядская Света со своим минетом… так откинул голову, что защемило нахер мышцу. Я в моменте даже подумал, что откинусь сам.

Дожить до вечера – полбеды. Дожить до вечера, доехать до салона, где всегда делаю массаж, и узнать, что они закрыты – подрыв жопы.

Возможно, заметь я подкидыша в любой другой ситуации – это бы вывело меня из себя, но сегодня её внезапное появление было как никогда кстати. Свободные руки, когда ты не можешь пошевелиться нормально? Идеально. Подойдут любые.

Меня забавляет любая её реакция, но то, как она пыталась смотреть только на лицо, пока перед ней был голый я… это прям самое эпичное. Однако сейчас вообще не до этого.

То, что она делает с моей спиной… блять. Я прям чувствую, насколько легче становится, когда острые косточки проходят вдоль мышц.

Пожалуй, мне впервые в жизни не хочется трахнуть деву, которая сидит на мне.

Но когда она убирает руки – появляется желание зарычать. И как только я чувствую, что она замирает – бешусь

ещё больше.

– Ну что там, блять, ещё случилось? – приподнимаюсь на локтях и кошусь на неё через плечо.

– Кофта… мешается, – давит тихо.

Да я, когда её на кухне увидел, сразу подумал, что кофта в принципе лишняя. Эти бежевые штаны, обтягивающие её задницу, и короткий топ им в цвет – идеальный комплект. Всё остальное – лишнее.

– Так сними её, – булькаю, снова утыкаясь лицом в покрывало.

Чувствую, как подкидыш ёрзает на мне, а после моей руки невесомо касается ткань. Сразу же её руки возвращаются на место.

Мнут, давят, гладят. А затем к пальцам подключаются костяшки на руках и острыми, проникающими движениями – локти. Но это не больно. Это кайфово. Ровно настолько, что я ощущаю то, чего не было уже очень давно – расслабление. Чувство, будто ещё немного и меня вынесет в сон.

Но как только Римма давит вдоль позвоночника у шеи – из меня непроизвольно вырывается глухой стон.

– Вот тут у вас защемление, – говорит шёпотом, переключая всю свою энергию в то место.

Да, блять, именно там у меня и стрельнуло. А теперь при каждом её движение становится легче. Лучше.

Организм будто под влиянием какой-то силы растекается, а в разум темнеет. Я даже не сразу понимаю, что выключа-

юсь, пока на тумбе не раздаётся звонок телефона.

– Подать? – спрашивает неуверенно.

– Да, – хриплю, раскрывая глаза, и, как только она слезает с меня, приподнимаюсь, прослеживая взглядом тонкую фигуру, что на четвереньках ползёт до тумбочки.

В такой позе её жопа ещё лучше.

Хмыкаю сам себе, отгоняя лишние мысли, и перехватываю телефон из её рук, как только Бэмби протягивает его мне.

– Слушаю, – отвечаю на звонок.

– Адиль Тимурович, к вам доставка поднимается, – щебечет голос молодой девушки с ресепшена.

Сука, доставка. Совсем забыл.

– Спасибо, – бросаю, отключаясь.

Перевожу взгляд на подкидыша, которая сидит на коленях, сложив на них руки. И даже в такой одежде она больше выглядит как прихожанка, чем как та, кого можно трахнуть.

Жаль.

– Голодная? – спрашиваю, вдруг осознав, что в моём доме ничего кроме воды и вискаря нет, а она тут уже сутки сидит.

– Немного, – ведёт оголённым плечом, привлекая к нему моё внимание, и тут же ёжится, словно пожалев о своём поступке.

Сажусь на кровати, разминая шею, и злюсь оттого, что боль не отпустила. Будто мало мне причин ненавидеть этот мир, как вселенная решила подкинуть ещё и мышечную

боль.

– Давайте я ещё… – начинает, протягивая ко мне руки, но я перебиваю её, подняв вверх ладонь.

– Позже. Сначала ужин, – бросаю и двигаю к ней её кофту. – Оденься. Не ходи по краю.

А Бэмби, видимо, неглупа, раз тут же надевает шмот, запахивая края. Понимает, что на её грудь можно смотреть бесконечно. Интересно, сколько раз к ней подходили именно из-за неё?

Сползаю с кровати и сразу же иду к выходу, не дожидаясь, пока подкидыш пойдёт следом. А она и тут проявляет чудеса смекалки – моментально семенит следом.

Через десять минут мы уже сидим за “островом” друг напротив друга. Я ковыряю какую-то овощную хрень, а Римма закидывает в себя еду так, словно её не кормили неделю.

– Когда ты ела в последний раз? – хмурясь, смотрю на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.